

СЛАВЯНСТВО ПОЛЬСКИМИ ГЛАЗАМИ: PRO ET CONTRA*Януш Добешевский*

Dr hab., профессор, преподаватель Института философии.

Варшавский университет.

Rzeczpospolita Polska, 00-927, Warszawa,

ul. Krakowskie Przedmieście, 26/28.

E-mail: dobieszewski@uw.edu.pl

Аннотация. Статья посвящена анализу так называемой славянской идеи, которая сыграла существенную роль в истории польской мысли. Фоном для нее выступали польско-российские отношения, которые определялись политическим, историческим и культурным соперничеством. Последнее можно было понимать как борьбу за первенство в славянском мире, которая неизмеримо усиливалась решающим участием России в разделе Польши. Однако интегративность, лежавшая в основе славянской идеи, в XX веке довольно быстро подверглась разложению. Наиболее значимые славяне латинской традиции, то есть поляки, освобождались от славянских корней, оставляя их России, вытесняя ее (из-за славянства) — навсегда и фаталистически (этнографически, натуралистически, генетически) — за пределы Европы.

Ключевые слова: славянская идея, панславизм, польское славянофильство, Адам Мицкевич, Польша, Россия, славянский союз

Ссылка для цитирования: Добешевский Я. Славянство польскими глазами: pro et contra // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2020. Т. 3, № 4. С. 124–132.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-124-132

Идея славянского родства и братства сыграла важную роль в польской мысли (и даже шире — в польской культуре), но одновременно роль спорную, дискуссионную, противоречивую и в своем коротком, но довольно интенсивном историческом развитии уменьшающуюся. И сегодня она сводится, как кажется, только к нейтральному этнографическому факту и красочному, но смущающему воспоминанию, которое все же до сих пор остается привлекательным объектом исторических, идейных и культурных исследований.

Славянский вопрос возникает в польском сознании на рубеже XVIII и XIX веков, на переходном этапе между Просвещением и романтизмом, параллельно

с формированием современного национального сознания. В случае с Польшей он чрезвычайно усиливается утратой национального суверенитета, сопровождавшейся перманентными военными действиями, реформами общественного устройства и переосмыслением отношений с Россией. Это приводило к исключительно интенсивным дискуссиям и размышлениям о национальном вопросе и его исторической, идеологической и культурной перспективах. Одной из наиболее важных и обсуждаемых здесь проблем — как укрепляющей, так и по-своему дезорганизирующей для польского национального процесса — была именно славянская идея, особенно ее отношение к польскому вопросу. Последний рассматривался как в научном, так и в политическом измерении, и в этом последнем отношении — инструментально, цинично, тактически узко¹.

Конечно, в польском подходе к славянскому вопросу фоном выступали польско-российские отношения, которые определялись политическим, историческим и культурным соперничеством. Последнее можно было понимать как борьбу за первенство в славянском мире, которая неизмеримо усиливалась решающим участием России в разделе Польши. Таким образом, славянская проблема — даже если изначально подход к ней был нейтральным и научным — быстро обрела политическую форму и смысл. Встал вопрос о выгодах и потерях, которые могут возникнуть в результате того, что поляки поднимут славянский вопрос в условиях напряженных польско-русских отношений, и о том, каков в нем потенциал для восстановления независимости Польши. Это сразу же представило польское восхваление славянства (то есть польское славянофильство, так как оно существовало, и весьма успешно) в совершенно ином свете по сравнению с русским славянофильством, построенным на радикальном противопоставлении России и Европы. Польское славянофильство было в то время довольно проевропейским (независимо от критических оценок, особенно капиталистической Европы) и становилось, хотя и не всегда, антирусским. Но прежде всего оно было полоноцентричным и только на этой основе определяло любой возможный союз с Россией, уменьшая в то же время значение других славянских народов (Tanty, 1970: 21, 23).

Полоноцентризм польского славянофильства был выражением чувства собственного достоинства, убежденности в исторических преимуществах Польши и, наконец, альтернативой для центрального, с точки зрения русских, положения России в славянском кругу. Имперское отношение к политическому окружению и прорусское толкование славянофильства в России опирались на панславистические позиции, отождествляемые со стремлением к насильственному объединению славян под царской властью. В польских славянофильских

¹ Прекрасным исследованием польских дебатов по национальным и славянским вопросам в эпоху позднего Просвещения и романтизма является книга (Kurczak, 2000).

проектах только российским антицарским и антипанславистическим силам было «разрешено» участвовать в будущем свободном федеративном славянском единстве под руководством Польши, состоящем прежде всего из меньших славянских народов.

Польские славянофилы пытались поместить свою страну в более широкое, а именно славянское, национально-этническое, или общинное измерение. Они показывали, что эта исходная славянская «стихия» (подкрепляющая польскую) имеет автономный, оригинальный характер. Она отличается как от рационалистической, формально-юридической, односторонней и поверхностной западной цивилизации, так и от русской, пропитанной деспотическими, примитивными, враждебными свободе и личности «миазмами» Азии. Чистое славянство, и особенно польская нация, характеризуется в этом подходе более широкой, настоящей универсальной культурно-цивилизационной силой. Она обладает ассимиляционной и синтетической способностью по отношению к другим культурам. Надлежащей сферой ее деятельности, конечно, является не русский мир, который отпал от славянской культуры и подвергся азиатизации, но заблудившийся в своем историческом развитии Запад, нуждающийся в возрождении. Адам Мицкевич даже указывал здесь на необходимость польско-французского мессианского союза, спасительного для будущей истории человечества (Kurczak, 2000: 50).

Славянство, противопоставленное России, наделяется здесь цивилизационными чертами, радикально отличающимися как от иерархичного феодализма, так и от капиталистического индустриализма. К ним относятся свобода, самоуправление, общинное правление, любовь, мудрость, благоразумие, умеренность, гармония, превосходство сердца над разумом и морали над законом, баланс общинности и личности. Фактически славянская культура в представлениях польских славянофилов должна была завершить и, так сказать, увенчать культуру европейскую: освободить ее от слепых дорожек иерархизма, утилитаризма, рационализма и формализма. Обе культуры — славянской Польши и Европы — находятся здесь в потенциальных и постулированных историей симбиотических отношениях.

Интересно, что, в отличие от христианско-религиозного и даже церковного славянофильства русских, польские славянофилы — по крайней мере до определенной степени и до определенного момента — видели негативные последствия церковного вмешательства в общественную жизнь. Они не доверяли христианской церкви (Ibid.: 72) и часто искали вдохновения в славянской дохристианской религиозности. И это недоверие касалось в первую очередь католической, западной церкви. Католицизм феодализировал средневековые общества, вытеснял (естественное и спонтанное) общинное правление, распространял пра-

вовой формализм и догматизм мысли и вводил иерархичность почти во все сферы жизни. Католическая церковь просто уничтожала славянский дух (Ibid.: 93). Как писал Зориан Доленга-Ходаковский, один из важнейших представителей польского славянофильства XIX века, христианство с его представителями «склонило нас быть папской провинцией» и лишило «духа радости и национальных обычаев» (Ibid.: 131). В то же время хорошо известно, что на протяжении десятилетий католицизм воспринимался как одна из важнейших детерминант польской национальной идентичности, свидетельствующая о принадлежности к Западу и отделенности от России. Так обстоит дело и сегодня, а польские романтико-славянофильские критики католицизма почти забыты. Слишком сильно усложняли они для поляков прозрачную схематичность и однозначность антирусского варианта национального сознания. Кроме того, они были опасным для русских осложнением их миссии и первенства в славянском мире. В значительной степени именно русские — к примеру, Федор Тютчев с лозунгом «Польша — предатель славянского мира» или Александр Герцен со стереотипом поляка-католика — во имя собственной выдающейся роли в славянском кругу и во всемирной истории продвигали и укрепляли в своих историософских изысканиях эту быстро набирающую популярность католическую парадигму польскости (Walicki, 2002: 99, 447).

В польском славянофильстве, как, впрочем, и в русском, экономическую и политическую отсталость славянских обществ пытались объяснить их приверженностью высшим, «неподкупным» ценностям, отказом уступить блеску и поверхностности капитализма, сохранением славянами ценностей, которые становятся спасением и избавлением для всего мира (Kurczak, 2000: 84). Здесь мы явно имеем дело с популярной потом в XX веке теорией привилегии отсталости, которая ставила исторически отсталые страны в более выгодное положение, чем страны доминирующие. Находящиеся на более низком уровне развития страны — как бы это ни дискредитировало их цивилизационный статус — могут представлять собой альтернативную, дополняющую экономику и способ организации общественной жизни, спасительный в ситуации кризиса и исчерпания западной цивилизационной модели. Об этом на протяжении XIX и XX веков охотно заявляли в историософских и социокультурных концепциях и западные мыслители.

С самого начала было трудно освободить славянскую идею от политических и геополитических эмоций и предубеждений. Однако даже под давлением этих обстоятельств исследователи пытались проанализировать ее с научной точки зрения, что могло быть успешным только в том случае, если бы она была значительно отодвинута во времени от сегодняшнего дня. С другой стороны, с точки зрения живого и современного общественного сознания в XX веке славянская идея постоянно терпела неудачи и уходила на задний план. Конечно, советская

пропаганда после Второй мировой войны охотно использовала, как мы знаем, славянскую фразеологию и лозунги о ценности славянского братства, чтобы убедить общество закрепить социально-политическую систему, введенную в странах, освобожденных от фашизма Красной армией. Однако нет сомнений в том, что это привело к обесцениванию славянской идеи, особенно после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году. Сегодня ценность славянской идеи и славянского родства народов Восточной и Южной Европы кажется минимальной или даже нулевой. Таким образом, можно говорить о ее регрессе, показательным примером которого является распад Чехословакии и Югославии и современное полное отождествление данной идеи с интересами России и российской точкой зрения, которая вдобавок воспринимается как противоположная или даже враждебная европейской цивилизации. Сегодня славянские узы полностью определены зависимостями, союзами и родством экономического, политического, геополитического, правового и религиозного характера. Возможно, остается определенное родственное чувство или настроение, связанное со сходством славянских культур и языков. Однако трудно в нем найти живую историческую силу.

Если в первой половине XIX века, в эпоху расцвета славянофильства и деятельности Адама Мицкевича, Польша явно претендовала на роль двигателя и лидера славянской идеи, то вторая половина века — это период, когда Россия получает решающее преимущество в этом вопросе. Вдобавок сами поляки отказываются от своих амбиций и концентрируются на национальной идее и собственной независимости и лишь в утилитарных и прагматических целях ссылаются на славянскую идею, на славянское братство, родство, федерализм или на культурные и духовные связи. Все это, конечно, результат неудачного Январского восстания 1863 года и последовавшей за ним русификации, а также осложнения международной ситуации и в этом контексте — славянского вопроса из-за поражения сначала Австрии в битве при Садове с Пруссией в 1866 году, а затем Франции в войне с Германией в 1870-м. Особенно первое событие — битва при Садове — изменило шансы и надежды славянского дела в Европе. Все это сопровождалось широкими движениями «индивидуального» национального возрождения, национальными устремлениями народов, которыми до сих пор управляли великие европейские монархии.

В интересующем нас вопросе важным, даже поворотным моментом стал, пожалуй, Славянский съезд в Москве в 1867 году. Поляки в нем не участвовали, расценив его как очередной акт преследования Польши после подавления Январского восстания. При этом делегации австро-венгерских и балканских славян видели в нем значимую и подлинную возможность укрепить свои национальные устремления, гарантом или хотя бы действительно важным союзником которых будет Россия как представитель славянского дела в целом. Такому настрою не препят-

ствовал довольно изменчивый характер защиты Россией устремлений славян, находящихся под австро-венгерским и турецким владычеством. Этот съезд не был, как подчеркивали и русские, и славяне, стремлением к государственному единству или же к некоторым более значительным политическим действиям. Он был скорее символическим событием, элементом политической игры на тогдашней арене Европы, а его результаты касались образовательного, культурного и духовного сотрудничества славян. Польша в конце концов сама отказалась и от значительных, и даже от более слабых связей с общим делом славянского мира. Славянский вопрос полностью перешел в плоскость национального интереса и собственной, индивидуальной цели — независимости. То же самое произошло и с другими славянскими народами, особенно с чехами и сербами, которые были активными в этом стремлении. Они, однако, воспринимали Россию как незаменимого союзника в своем национальном деле. И это придавало их целям какой-то наднациональный, универсальный или даже духовный аспект.

Применительно к Польше можно было говорить о волне всеобщего отвращения к славянофильству и русскому панславизму, которые отождествлялись с неизбежными угрозами, исходившими со стороны царской России. Для других славянских народов — особенно в связи с очевидной сдержанностью русских в приписываемых им (особенно со стороны Польши) имперских намерениях — славянская идея была, пожалуй, единственным шансом на национальное возрождение и защиту от германизации (Tanty, 1970: 66, 70). «Это противостояние взглядов привело к тому, — писал видный польский эксперт по данной проблеме Мечислав Танти, — что в 1867 году пути поляков и других славянских народов разошлись» (Ibid.: 73). Остальные славяне (или, точнее, их элиты) выступили против холодного и радикального национального сепаратизма поляков. Они с энтузиазмом поддались «славянской волне» в атмосфере дружеского приема на съезде в Москве (Ibid.: 85). Там преобладало стремление не к политической консолидации, а к духовному сотрудничеству, выражением которого должно было стать признание русского языка «общекультурным языком славян» (Ibid.: 99). Поляки это воспринимали как имперскую позицию, выражавшуюся в тотальной русификации. Однако другие участники съезда отнеслись к данному призыву, провозглашаемому на удивление часто и даже навязчиво, скорее как к договорному, символическому, связанному с литературным или научным языком и способствующему обмену идеями. Но в более широком масштабе в период возрождения национальных устремлений, связанных с целями независимости и именно с языковым пробуждением, он выглядел нереалистично. Перспектива всеобщей славянской монархии под руководством России, даже если она тогда и появлялась, отодвигалась в утопическое будущее или рассматривалась как ни к чему не обязывающий лозунг (Ibid.: 102).

Россия была прочно связана со славянской идеей, по крайней мере с ее культурным и общественно-политическим аспектами, независимо от шансов на реализацию. Помимо потенциально имперского лозунга «Вся сила славян — в России!» был выдвинут и другой: «Вся сила России — в славянстве!» (Ibid.: 98), лозунг славянского универсализма и демократизма. Славянская идея настолько прочно ассоциировалась с ведущей и заботливой ролью России, что польское славянофильство, казалось, принадлежало уже к минувшему и далекому прошлому. Формирующая общественное мнение польская пресса писала тогда следующее: «...кто бы из нас сказал, что мы славяне, тот совершает государственную измену, — мы поляки» (Ibid.: 166). Славянская солидарность означала бы только идентификацию с русско-царским панславизмом, с которым Польша не могла себя идентифицировать. По сути, она добровольно положила ее на алтарь индивидуальной (на языке славянской идеи: эгоистичной) независимости. Но повторим, однако, что и среди других славянских народов съезд 1867 года укрепил не столько стремление к интеграции с широко признанным защитником славянства в лице России, сколько стремления к национальной независимости (Ibid.: 246).

Сегодня славянская идея вызывает в Польше скорее подозрительность, а то и негодование, чем чувство солидарности с этническими братьями. Это точно выразила Мария Янион в книге «Удивительное славянство», вышедшей относительно недавно (даже если сама автор пытается опровергнуть представляемый стереотип): «...отнесение к славянству может вызвать обвинение в “славянофильстве” или “панславизме”, понимаемых как подчинение русскому империализму, который всегда маскировался под лозунгом “Славянское единство” и действовал под знаменем “Мы братья-славяне”. Проблема Польша — Россия здесь проявляется во всей своей раздражающей полноте» (Janion, 2006: 22). Хотя в Польше существуют маргинальные идеологии, пытающиеся возродить славянский миф и делающие это с пророссийских позиций, тем не менее они являются объектом довольно распространенной и легкой — прежде всего в политическом измерении — критики. Их уличают в антихристианстве (потому что они предпочитают языческую религиозность), антиевропеизме, раболепии перед Россией, национализме и даже фашистских тенденциях (Ibid.: 23)².

Интегративность или хотя бы солидарность, которые должны лежать в основе славянской идеи, в XX веке быстро подверглись разложению. И хотя они сохранялись довольно долго под тонким покровом объединяющего славянского мифа, но «славяне латинской традиции, обратившись к Западу, навязали полное уединение восточным славянам» (Ibid.: 166). Более того, самые значимые славя-

² В качестве примера такой идеологии автор указывает на национально-славянскую концепцию Яна Стахнюка (Jan Stachniuk).

не латинской традиции, то есть поляки, освобождались от славянских корней, оставляя их России, таким образом вытесняя ее (из-за славянства) — навсегда и фаталистически (этнографически, натуралистически, генетически) — за пределы Европы (Ibid.: 227). Славянство, судя по всему, считается необходимой, «справедливой» и исключительно выгодной платой за завершующую и необратимую европеизацию Центральной Европы.

Концом дезинтеграции и распада универсальной славянской идеи, как кажется, стала в XX веке разрушающая Югославию война на Балканах.

Литература

- Janion, 2006 — *Janion M.* Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury. Kraków, 2006.
- Kola, 2004 — *Kola A.* Słowianofilstwo czeskie i rosyjskie w ujęciu porównawczym. Łódź, 2004.
- Kurczak, 2000 — *Kurczak J.* Historiozofia nadziei. Romantyczne słowianofilstwo polskie. Łódź, 2000.
- Tanty, 1970 — *Tanty M.* Panslawizm, carat, Polacy. Zjazd Słowiański w Moskwie 1867 roku. Warszawa, 1970.
- Walicki, 2002 — *Walicki A.* Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa, 2002.

SLAVDOM BY POLISH EYES: PRO ET CONTRA

Janusz Dobieszewski

Dr hab., Professor, Institute of Philosophy.

University of Warsaw.

26/28 Krakowskie Przedmieście Str., Warsaw, 00-927, Poland;

E-mail: dobieszewski@uw.edu.pl

Abstract. The article is devoted to the analysis of the so-called Slavic idea, which played a significant role in the history of Polish thought. The background was the Polish-Russian relations, which were determined by political, historical and cultural rivalry. That rivalry could be understood as a struggle for primacy in the Slavic world, which was immeasurably intensified by the decisive participation of Russia in the partition of Poland. However, the integrativity as the basis of the Slavic idea, in the 20th century, rather quickly underwent decomposition. The most significant Latin Slavs — the Poles, freed themselves from their Slavic roots, leaving them to Russia, displacing it (because of Slavism) — forever and fatalistically (ethnographically, naturalistically, genetically) — outside Europe.

Keywords: Slavic idea, Pan-Slavism, Polish Slavophilism, Adam Mickiewicz, Poland, Russia, Slavic Union

For citation: Dobieszewski, J., 2020. Slavdom by Polish Eyes: pro et contra. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 3(4), 124–132.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-124-132

References

- Janion, M., 2006. *Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury* [Amazing Slavic language. Phantasms of Literature]. Krakow.
- Kola, A., 2004. *Słowianofilstwo czeskie i rosyjskie w ujęciu porównawczym* [Czech and Russian Slavophilism in a comparative approach]. Lodz.
- Kurczak, J., 2000. *Historiozofia nadziei. Romantyczne słowianofilstwo polskie* [The history philosophy of hope. Romantic Polish Slavophilism]. Lodz.
- Tanty, M., 1970. *Panslawizm, carat, Polacy. Zjazd Słowiański w Moskwie 1867 roku* [Pan-Slavism, tsarism, Poles. The Slavic Congress in Moscow in 1867]. Warsaw.
- Walicki, A., 2002. *Rosja, katolicyzm i sprawa polska* [Russia, Catholicism and the Polish cause]. Warsaw.